

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

*В. Г. Гузев, Н. А. Дулина,
Л. Ю. Тугушева*

ТРЕТЬЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2—4 июня 1969 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР проходила третья тюркологическая конференция. В соответствии с решением второй тюркологической конференции¹ она была посвящена памяти замечательного русского тюрколога П. М. Мелиоранского (1868—1906).

В работе конференции приняли участие свыше ста ученых Москвы, Ленинграда, Абакана, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Бухары, Казани, Карши, Коканда, Кызыла, Новосибирска, Нукуса, Тарту, Ташкента, Тбилиси, Уфы, Ферганы, Черкесска, Берлина (ГДР), Улан-Батора (МНР).

На двух пленарных заседаниях было заслушано восемь докладов, освещающих различные стороны научной деятельности П. М. Мелиоранского.

Участников конференции приветствовал председатель оргкомитета А. Н. Кононов (Ленинград). В докладе «П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология» А. Н. Кононов рассказал о жизненном пути П. М. Мелиоранского, его роли в истории отечественной тюркологии, охарактеризовал основные направления его деятельности. Докладчик отметил, что работы Мелиоранского, в основном имеющие лингвистический характер, и в наше время представляют большой интерес и остаются образцовыми исследованиями в области тюркологии.

В докладе «П. М. Мелиоранский и изучение эпоса „Едигей“» В. М. Жирмунский (Ленинград) раскрыл историко-литературное и фольклористическое значение работы П. М. Мелиоранского «Сказание об Едигее и Токтамышше» (1905) и показал, что в этой работе ученый осветил истори-

¹ Отчет о II тюркологической конференции см.: «Народы Азии и Африки», 1969, № 2.

ческую основу сказания, положив начало сравнительному изучению его фольклорных элементов. Особое внимание докладчик уделил вопросу о том, как продвинулось исследование эпического сказания о Едигее со времени П. М. Мелиоранского (открытие новых версий эпоса и исторических первоисточников), и перспективам изучения этого эпоса.

Оценка научных достоинств работ П. М. Мелиоранского, прежде всего «Краткой грамматики казак-киргизского языка», заложивших основы лингвистического исследования казахского языка, содержалась в докладе С. К. Кенесбаева (Алма-Ата) «П. М. Мелиоранский и изучение казахского языка».

В докладе «П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности» А. М. Щербак (Ленинград) отметил большое значение трудов П. М. Мелиоранского для исследования древнетюркских, староузбекских («чагатайских»), старотурецких и других текстов как источников для сравнительной грамматики тюркских языков. Докладчик показал, что в области издания памятников, исследования их языка и уточнения методов и приемов филологического и историко-лингвистического исследования П. М. Мелиоранский внес значительный вклад в тюркологию.

Э. Р. Тенишев (Москва) в докладе «П. М. Мелиоранский — языковед» подробно осветил круг языковедческих проблем, которыми занимался ученый. В частности, речь шла о принципах построения дескриптивной грамматики, об изучении П. М. Мелиоранским истории тюркских языков древнего периода (орхонские, чагатайские памятники) и о его взглядах на источники и методы создания сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

Анализ труда П. М. Мелиоранского «Араб филолог о монгольском языке» содержался в докладе Д. А. Алексеева (Ленинград) «П. М. Мелиоранский — монголист». Докладчик дал ему высокую оценку и рассказал о современном состоянии изучения затронутых в работе проблем.

Доклад А. И. Попова (Ленинград) «П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке» был посвящен работам ученого, в которых он исследовал ориентализмы древнерусского языка домонгольского периода. Докладчик подробно говорил о том, как используется научное наследие П. М. Мелиоранского в этой области, внес некоторые поправки в предложенные в этих работах толкования ориентализмов.

Г. Ф. Благова (Москва) в сообщении «П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимики» подчеркнула, что все области исследовательских интересов П. М. Мелиоранского оказались как бы спроецированными на его занятия топони-

микой. Это сказалось на точности фонетической передачи тюркских топонимов, в детальном объяснении апеллятивов (особенно древнетюркских), в отождествлениях рунических географических названий с современными. П. М. Мелиоранским разработаны разные методики для фонетически точной передачи топонимов, этимологии которых ясна, и топонимов, не поддающихся этимологизации; составленный им план коллективных топонимических исследований не утратил методического значения до наших дней.

На заседаниях филологической секции было прочитано восемнадцать докладов, объединенных темой «Памятники тюркской письменности и фольклора (проблемы филологического изучения)».

Э. Н. Наджип (Москва) в докладе «XIV век — век становления тюркских литературных языков» говорил о путях формирования региональных тюркских литературных языков XIV в. и их роли в становлении современных литературных языков. Докладчик внес ряд предложений по классификации литературных языков указанного периода и по уточнению и унификации существующей терминологии.

В выступлении Г. А. Абдурахманова (Ташкент) «Об изучении синтаксиса памятников тюркской письменности XI в.» показано значение исследования памятников («Кутадгу билиг», Дивана Махмуда Кашгарского и др.) для воссоздания истории отдельных языков, в частности их синтаксического строя. Докладчик отметил отставание в области исторического изучения синтаксиса тюркских языков.

С. Н. Иванов (Ленинград) в докладе «О некоторых принципах исследования памятников тюркских языков» поставил вопрос о возможности применения к синхронному анализу языка двух положений диалектической логики: 1. Всякое явление, будучи определено многообразными связями с другими явлениями, отражает в этих связях противоречивое отношение к самому себе, что составляет его сущность; эта сущность противоречиво двойственна и, как любое диалектическое противоречие, служит причиной собственного изменения; диалектикой противоречивого самодвижения какого-либо явления может быть обосновано понятие диахронии и синхронии; 2. Всякая развитая структура содержит в себе в «снятом», преодоленном виде следы своей собственной истории.

Д. М. Насилов (Ленинград) в сообщении «К проблеме лингвистического изучения памятников тюркской письменности» указал на актуальность системного изучения языков отдельных памятников с учетом динамики развития грамматического строя. Сравнение синхронного среза отдельных язы-

ков, по мнению докладчика, позволяет выявить сдвиги в изменении различных форм.

В докладе Э. А. Груниной (Москва) «К вопросу о варианте нормы в изучении истории турецкого языка», построенном на османском материале, была обоснована мысль о том, что при восстановлении истории грамматического строя языка плодотворным оказывается использование выработанной пражской лингвистической школой понимания соотношения системы языка (т. е. системы всех его функциональных противопоставлений) и нормы (т. е. реализации совокупности всех этих функциональных противопоставлений), а также понятия «варианта нормы», или «нормального варианта», функционального понятия, связанного с семантико-функциональным сходством отдельных элементов языка. Докладчица уделила внимание разработке вопросов о природе вариантов, их возникновении и роли в формировании различных грамматических категорий.

Н. Н. Джанашиа (Тбилиси) в сообщении «О каузативе в турецком языке» охарактеризовал субъектно-объектные отношения глаголов с показателями каузатива, подверг критике попытки отыскания инвариантных значений каузативных форм, высказал мысль о том, что значение каузативных форм зависит от переходности — непереходности самих глаголов. Докладчик подробно проанализировал существующие схемы распределения алломорфов морфемы пунудительного залога и дал свою схему.

Р. Р. Юсипова (Москва) посвятила выступление «Турецкая фразеология» проблеме отграничения фразеологических единиц от сложных слов и свободных словосочетаний. Докладчица остановилась также на анализе структурных моделей фразеологических единиц в турецком языке.

Выступление И. Г. Добродомова (Москва) «Древнерусские письменные памятники как источники для изучения тюркских языков Восточной Европы» было посвящено некоторым особенностям тюркских заимствований в языке древнерусских летописей.

В докладе Г. П. Мельникова (Москва) «О специфике тюркского синтаксиса» была предпринята попытка уточнить понятие предикативности на основе анализа механизма отражения внешней действительности в сознании и далее в языке. Основным положением является то, что сущность предикации заключается в мыслительном процессе, представляющем смену образа исходного состояния понятийной единицы образом нового ее состояния. Знаки языка, соответствующие образу исходного состояния, есть тема (Т) сообщения (С); знаки, выражающие новый образ,— рема (Р).

$C = T + P$. Специфика тюркского синтаксиса заключается в том, что рема состоит из повторенной темы и уточнений ($У$), выражающих черты, отличающие новый образ от исходного ($P = У_1У_2У_3...Т$). Докладчик показал, что при тенденции к экономии служебных элементов, свойственной тюркским языкам, уточнители должны стоять перед повторенной ремой.

Н. С. Смирнова (Алма-Ата) в сообщении «Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским» отметила достоинства применявшейся П. М. Мелиоранским методики записи и изучения пословиц. Докладчица подчеркнула, что, опубликовав казахские пословицы на страницах научного органа русских востоковедов (ЗВОРАО, 1893, т. VII), П. М. Мелиоранский сделал их предметом научного исследования. В докладе была подчеркнута научная ценность толкования П. М. Мелиоранским казахских пословиц, которое представляет образец сочетания этнографического и филологического подхода к фольклору.

В докладе М. С. Сильченко (Алма-Ата) «Рецензия П. М. Мелиоранского на казахскую поэзию» были проанализированы научные достоинства написанной П. М. Мелиоранским в 1901 г. неопубликованной рецензии на записи казахского фольклора, собранные Кудашовым и хранящиеся в архиве Всесоюзного географического общества.

О ходе фольклористической работы в Туве подробно рассказал А. К. Калзан (Кызыл) в сообщении «Тувинская фольклористика». Докладчик подчеркнул, что тувиноведение возникло и сложилось как продолжение работы, начатой русскими востоковедами, одним из видных представителей которых был П. М. Мелиоранский. Докладчик отметил большую помощь, оказываемую тувинским ученым крупнейшими научными центрами Советского Союза.

Новые сведения о материалах эпоса «Едигей» в татарской исторической литературе XVII в. были приведены в сообщении М. А. Усманова (Казань) «Сюжет эпоса „Едигей“ в татарской исторической литературе XVII в.». Выступавший подчеркнул ценность эпоса как источника по истории тюркских народов СССР.

В докладе «Трактат Бабура об арузе и его значение для исследования творчества Навои» А. М. Щербак приводит доказательства, подтверждающие мнение М. Ф. Кёпрулю-заде, высказанное в 1928 г. о том, что хранящийся в Национальной библиотеке в Париже трактат об арузе является известным сочинением Бабура, рукопись которого долгое время считалась утерянной. Докладчик остановился на положениях трактата о стихосложении и расшифровал терминологию стихосложения, используемую в произведении. По мнению

А. М. Щербака, сочинение Бабура, представляющее собой обстоятельное исследование по теории классического стихосложения, может служить антологией классической узбекской и таджикско-персидской поэзии, а также важным источником для изучения творчества Навои.

Анализ поэтических особенностей древнего тюркского сказания содержался в сообщении И. В. Стеблевой (Москва) «Поэтическая структура „Огуз-наме“». Докладчица высказала соображения относительно истории развития тюркской фольклорной рифмы, отметила необходимость «учитывать разные исторические периоды ее существования, характеризующиеся как связями тюркского фольклора с фольклором иноязычных народов, так и связями фольклора с литературой». И. В. Стеблева предполагает, что «Огуз-наме» представляет собой сплав фольклора и литературы, что на форме изложения лежит печать соответствующих стадий развития тюркского стиха и что дошедший до нас текст сказания относится к тому позднему времени, когда литературная традиция уже проникла в фольклор.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) в докладе «Некоторые вопросы изучения древнетюркских рунических памятников МНР» акцентировала внимание на необходимости точной фиксации надписей в связи с их разрушением и указала на целесообразность переиздания трудов С. Е. Малова с тщательно выверенной рунической частью.

Филологический анализ тюркских письменных памятников содержался в сообщениях З. Б. Мухамедовой (Ашхабад) «Анонимный рукописный дорожник XIX в., хранящийся на Восточном факультете ЛГУ» и Э. И. Фазылова (Ташкент) «О неизвестном памятнике XIII—XIV вв.».

В двух заседаниях исторической секции приняли участие более тридцати тюркологов Ленинграда, Москвы, Баку, Ташкента, Ашхабада, Фрунзе, Абакана.

Доклады участников были объединены темой «Раннесредневековая история тюркских народов». Все сообщения вызвали большой интерес и оживленный обмен мнениями.

С. Г. Агаджанов (Ашхабад) в докладе «Проблема этнической истории огузских племен» рассказал об этнической взаимосвязи между огузами и туркменами и об изменении содержания терминов «огуз» и «туркмен» на протяжении X—XV вв. Нарративные источники (Гардизи, Веньямин Тудельский, Бируни, М. Кашгарский, Рашид ад-Дин, Мирхонд, Марвази, Абулгази) и результаты изучения археологических памятников дают основания говорить о том, что среди огузов преобладал монголоидный тип. Постепенно огузы смешивались с другими народами. Из таких смешанных групп произошли

и туркмены. Разница между огузами и туркменами существовала во внешнем облике, быту и верованиях. В отличие от туркмен огузы X—середины XI в. не были мусульманами. С середины XI в., когда кыпчаки положили конец господству огузов в Средней Азии, имя «огуз» там постепенно исчезает. В сельджуком государстве широкое распространение получает термин «туркмен», которым предпочитали называть себя сельджуки-мусульмане в отличие от огузов-язычников.

В истории этнических взаимосвязей огузов и туркмен докладчик выделил три этапа: X — первая четверть XI в., когда название «туркмен» прилагалось лишь к части туркмен; вторая четверть XI—XII в., когда название «туркмен» получило широкое распространение; XII — первая четверть XIII в., когда термин «огуз» вытесняется в Средней Азии термином «туркмен». В XIV—XV вв. термин «огуз» исчезает.

В сообщении «Страна кимаков по ал-Идриси» Б. Е. Кумек в (Алма-Ата) проанализировал арабско-персидские нарративные источники (Тамим ибн Бахр, Худуд ал-Алам, Тахир ал-Марвази и др.) и сопоставил их со сведениями Идриси о стране кимаков в IX—X вв., до сего дня занимавшими обособленное место в научной литературе о кимаках. Докладчик пришел к выводу, что уникальные сведения Идриси подтверждаются и упомянутыми выше источниками. Б. Е. Кумеков показал, что и нарративные источники, и археологические исследования северо-восточного Семиречья (Алакольская котловина) в последние годы позволили расширить представление о зоне распространения городского комплекса Семиречья и сделать вывод о наличии у кимаков городской культуры вопреки утвердившемуся мнению о кимаках как о кочевниках и скотоводах. Данные Идриси позволили отождествить озеро Гаган с системой Алакольских озер и нанести на современную карту район расположения кимакских городов в X—начале XI в., в том числе к югу от Припиртышья.

Малоизученной теме «Тюрки в Азербайджане в раннем средневековье (по данным албанских источников и албанско-лезгинских языков)» посвятил свое выступление В. А. Гукасян (Баку). Исследовав местные албанские источники («История албан» Моисея Утийского или Калацкайтуйского, конец VII в.; сочинения Захария Ритора, VI в.), а также лексику современных албанско-дагестанских языков (удинского, лакского и др.), автор нашел убедительные свидетельства того, что тюркские народы населяли территорию современного Азербайджана задолго до XI в., а именно — с IV—V вв.

Р. А. Гусейнов (Баку) в докладе «Тюркские этнические напластования XI—XII веков в Закавказье» также высказал

мнение о том, что тюрки проникали в Закавказье, преимущественно в Азербайджан, с первых веков нашей эры и оседали там. Это подтверждают многочисленные исторические, языковые, этнические и топонимические данные. Языковая тюркизация Азербайджана — процесс длительный, ставший наиболее заметным в XI—XII вв. в связи с сельджуцким завоеванием Передней Азии. Победу тюркского языка в Азербайджане в XIII—XVI вв. можно объяснить, по мнению докладчика, лишь вековыми связями местных жителей с тюркоязычным миром. В этот же период завершилось формирование азербайджанской народности из местного и пришлого (преимущественно тюркоязычного) населения.

А. Д. Грач (Ленинград) посвятил доклад «Проблема древнетюркской общности» культурно-исторической консолидации крупных этнических объединений тюрков с VI до X в. Это время явилось эпохой не только этнического оформления предков современных больших и малых тюркских народов (тувинцев, алтайцев, хакасов, якутов, киргизов, казахов, туркмен, узбеков, уйгуров и др.), но и периодом оформления основных черт их историко-культурной общности. Многообразии исторических судеб древнетюркских народов не смогло воспрепятствовать сохранению в культурном наследии черт древнетюркской культуры, родиной которой явилась Центральная Азия. Поэтому существующую тенденцию делить древнетюркский период (VI—X вв.) на более мелкие периоды докладчик назвал необоснованной, считая, что в это время можно говорить лишь о смене династий.

На проблеме восточной политики Сасанидов, противоречиво трактуемой в современной научной литературе, остановился Б. И. Маршак (Ленинград) в докладе «Бахрам Гур и тюрки». Критически осмыслив арабо-персидские, армянские и византийские источники, с одной стороны, китайские источники и нумизматические данные — с другой, докладчик пришел к выводу, что их противоречивость может быть объяснена неточной этнической терминологией и неверной идентификацией неизвестных авторам рукописей либо переписчикам географических названий. Б. И. Маршак попытался доказать, что эпизод — столкновение сасанидского шаха Бахрам Гура с тюрками на восточной границе сасанидского Ирана в первой трети V в., — зафиксированный в рукописях, является вставным, недостоверным, позднее приписанным. В источниках события VII в. перенесены в первую треть V в. По мнению докладчика, в основе этого эпизода лежит легенда, которая появилась в VII в., после победоносной войны тюрков с иранцами.

Оригинальную интерпретацию термина «хан» и некото-

рых современных географических названий предложил М. И. Боргояков в сообщении «О некоторых терминах, встречающихся в древнетюркских памятниках». Слово *хан* обычно употреблялось в форме *ханым*, *каным*, что подтверждается и современными языковыми материалами. По мнению докладчика, этот термин нужно переводить как «мое государство», «мое правление», «моя родина», «моя страна». Название горы Тепсей произошло от имени бека, современное название горы и крепости Умайтаг — от имени богини Умайбек.

Интересным было сообщение С. Г. Кляшторного (Ленинград) «Древнейший письменный памятник Второго тюркского каганата». Докладчик обследовал в 1968 г. хранящееся в Центральном государственном музее МНР в Улан-Баторе каменное изваяние («каменная баба») с древнетюркской надписью. Изваяние было обнаружено на Чойренских курганах, в 180 км к юго-востоку от Улан-Батора, в 1928 г.; в 1936 г. надпись была опубликована С. Е. Маловым с предварительным переводом, осуществленным на основе фотографии и рисунка плохого качества. Визуальное изучение надписи позволило С. Г. Кляшторному дать ее новый перевод и определить, что она составлена Тоньюкуком, видным политическим деятелем Второго **тюркского каганата, судя по содержанию**, в период между 687—691 гг.

На заключительном совещании участники конференции приняли резолюцию, в которой была отмечена большая польза для дальнейшего развития тюркологии переиздания избранных сочинений П. М. Мелиоранского.

В резолюции подчеркивалась необходимость обратить особое внимание на изучение памятников древне- и старотюркской письменности и на этой основе создать удовлетворительную классификацию тюркских языков и уточнить терминологию; была подчеркнута важность публикации вновь открытых памятников и повторных изданий некоторых опубликованных памятников в соответствии с современными научными требованиями.

Конференция обратила внимание на необходимость повышения общего уровня теоретической подготовки тюркологов и с этой целью признала целесообразным ввести в программу филологических и восточных факультетов университетов и педагогических институтов тюркоязычных республик курса по общей тюркологии.

Учитывая важность изучения проблем тюркологии, связанных с национальным и культурным развитием тюркоязычных республик и автономных областей Советского Союза, конференция с удовлетворением отметила, что предложение о соз-

дании всесоюзного органа тюркологов СССР — журнала «Советская тюркология» реализовано.

Участники конференции единодушно высказались за создание научного совета по тюркологии при Совете по координации востоковедных исследований, за проведение ежегодных тюркологических конференций и за созыв Всесоюзного тюркологического съезда.

Четвертую тюркологическую конференцию решено посвятить 900-летию со времени создания выдающегося памятника тюркской письменности — «Кутадгу билиг».